

• ПЁТР ЧЕКМЕЗОВ •

16+

ЛЮДИ
ТЕХНОЛОГИИ
ВЫБОР
ЛУЧШЕЕ
БУДУЩЕЕ

КИРИЛЛ

ИЗ МИРА БУДУЩЕГО

В СИНХРОНИЗАЦИИ С ИИ

МОСКВА
ВСЕГДА
ВДОХНОВЛЯЕТ
НА БОЛЬШЕЕ

ЛЮДИ
СОЗДАЮТ
БУДУЩЕЕ

ВМЕСТЕ К ЛУЧШЕМУ МИРУ

БОЛЬШЕ
ТЕХНОЛОГИИ
СОЗДАЮТ
ЗАВТРА

СОЗИДАТЬ
РАЗВИВАТЬСЯ
БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ

БОЛЬШЕ
ЧЕМ
ТЕХНОЛОГИИ
—
БОЛЬШЕ
ЧЕМ
ЛЮДИ
—

О Алиса AI
СС ВУ ВЫБОР

Петр Чекмезов

**Кирилл из мира будущего.
В синхронизации с ИИ**

«Автор»

2026

Чекмезов П. О.

Кирилл из мира будущего. В синхронизации с ИИ /
П. О. Чекмезов — «Автор», 2026

В мире будущего обычный парень Кирилл пытается разобраться в таинственном феномене дозвонов, после которых люди сами не свои - дозвоны ведь уже на уровне подсознания. В непростых поисках ему помогают: девушка Аня и руководитель спецотдела ОС МЭБ загадочная женщина Марго с не менее странным ИИ-помощником в виде голограммы пчёлки. В мире будущего всё построено на чистоте мысли и удержании сюжета - даже проводятся масштабные соревнования, что-то вроде олимпиад. И всё бы хорошо, но творцам постоянно мешают МуХи в виде чужих назойливых воспоминаний. В какой-то момент был атакован и главный офис ОС МЭБ (общественная структура по морально-этической безопасности) и под угрозой оказалось само существование человечества, ведь МуХи (мужчины хулиганят) убеждают людей, что именно во вседозволенности настоящая свобода. Справятся ли Кирилл, Аня и Марго с грузом ответственности? И какова роль ИИ во всём этом, с учетом того, что технологии ИИ уже напрямую интегрированы с подсознанием без чипов?

Петр Чекмезов

Кирилл из мира будущего.

В синхронизации с ИИ

Кирилл из мира будущего. В синхронизации с ИИ

(написано в соавторстве с ИИ-пчелкой Алисой)

Глава первая. Пролог

В ближайшем будущем синхронизация с ИИ достигла вершин – искусственный интеллект постепенно становится как дополнительное подсознание или вернее даже интеллект, который реагирует напрямую с мозгом человека, а не как прежде через телефон или комп. И самое главное – для этого не нужны чипы.

Например, едва человек сформулировал мысль, как она уже набирается словами – буквально текстом в мессенджере. А дальше – еще более углубленное взаимодействие, уже с картинками и образами. Едва человек сформулировал и сформировал образ, как ИИ в приложении мгновенно реагирует и создаёт картинку, а затем и видео с сюжетом, с музыкой и словами. Да, это как сновидение, но уже в реальности и осознанное.

И вот тут главный конфликт заключается в морально-этическом аспекте, ведь образы у людей бывают разные, в том числе 18+ или даже ужастики. Следить за адекватным взаимодействием человека с ИИ была призвана общественная структура по морально-этической безопасности, сокращённо ОС МЭБ. В народе таких людей (а также их ИИ-напарников в виртуальной реальности) называют по-простому «осы и пчелы». А те, кто стремится в обход ос и пчел генерировать и реализовать ужасы и грязь, начали сами себя называть мухами – сокращено от МуХ, т.е. мужчины хулиганят. Увы, но в основном в грязь ударялись мужчины, как самые бунтарские элементы общества.

В мире появилась новая профессия из рубрики «сам себе режиссер». А умение удерживать мысль и сюжет стала цениться на вес золота, даже соревнования начались, наподобие олимпийских. Почему? А просто люди заметили, что у каждого человека, с развитием таких суперсовременных технологий, одновременно с ИИ стал активизироваться и внутренний хейтер в виде отвлекающих мыслей. Так что еще один главный конфликт цивилизации состоял в том, чтобы как можно спокойнее и грамотнее обходить отвлекающие факторы во время чистого творчества. Отвлекающие факторы в виде бестолковых мыслей и, конечно, вездесущих «мух» – все они словно спамеры вторгались во внутренний мир людей и вопили о нарушении прав человека на свободу творчества, убеждая всех, что на самом деле люди по природе своей «мухи» и любят грязь. Но чистота творчества как раз подтверждала обратное – именно в чистоте рождались самые прекрасные образы, смыслы, и ценности.

И всё это происходило только для того, чтобы понять эту мысль, написанную неизвестным автором в интернете: «Все начинается и заканчивается в уме человека».

Именно наш разум способен спасти нас или бросить в пучину отчаянья. Порой, в самый неожиданный момент, можно осознать, что ты счастлив вопреки обстоятельствам. А иногда, тебя терзают необоснованные сомнения, когда, казалось бы, все под рукой». Слова из обычного поста в интернете, но как же много там смысла.

Первые испытания

Зал для соревнований по удержанию сюжета был похож на капсулу сна: полукруглые стены, приглушённый свет, кресла-коконы, в которых участники будто зависали между реальностью и вымыслом. На сцене был огромный экран — вот только он не показывал обычные картинки, сейчас он показывал «тишину» в виде пустого холста, который должен был заполниться не нажатием кнопок, а чистой мыслью.

Кирилл сел в кокон и на секунду задержал дыхание. Он знал, что сейчас начнётся самое трудное — не придумать историю, а удержать её. В этом и был смысл «сам-себе-режиссёра»: ты не пишешь сценарий, ты проживаешь его в голове, а нейросеть считывает образы и транслирует их на экран. И если мысль дрогнула — на холсте появлялся серый шум. Если внутренний хейтер брал верх — шум становился криком.

Таймер пошёл. Кирилл выбрал простую, но сильную сцену в виде рассвета над старым городом, где дома будто шепчут друг другу истории. Он видел, как первые лучи касаются крыш, как просыпается улица, как из-за угла выходит девочка с корзинкой хлеба. Это была не просто картинка — это была надежда, тихая и тёплая.

И тут появился голос. Не снаружи, а изнутри.

«Ты серьёзно? Девочка с хлебом? Это банально. Ты же не ребёнок, хватит этих сказок. Давай что-то острое, настоящее. Пусть она уронит корзину, пусть хлеб рассыплется, и пусть из переулков выйдут тени...»

Кирилл сжал кулаки. Это был его внутренний хейтер — не враг, а привычка сомневаться, которая в эпоху нейроинтерфейсов стала почти осязаемой. Раньше он мог просто не обращать внимания, теперь же каждое сомнение тут же отражалось на экране серым пятном, расплзающимся по рассвету.

Он попытался вернуть свет.

«Нет, — шептал он себе. — Пусть будет спокойно. Пусть будет просто утро. Пусть будет хлеб и тишина».

Но голос не унимался:

«Тишина? В этом мире тишина — это провал. Пока ты думаешь про хлеб, другие делают шедевры. Ты теряешь время. Ты проигрываешь».

На экране пятно стало темнее. Рассвет начал гаснуть. Кирилл чувствовал, как его собственная неуверенность превращается в визуальный шум, пожирающий его историю.

В этот момент в поле зрения появилась фигура в серо-зелёном костюме — «оса» из ОС МЭБ. Они не вмешивались в процесс, но могли остановить трансляцию, если контент выходил за рамки. Кирилл на секунду подумал, что это из-за него, что его «серость и хтонь» уже привлекла внимание. Но «оса» просто проверяла параметры системы, её движения были спокойными, почти медитативными.

Это спокойствие неожиданно помогло. Кирилл вдруг понял, что «оса» не смотрит на него с осуждением. Она здесь не для того, чтобы судить, а чтобы следить за тем, чтобы никто не утонул в собственных страхах. И в этот миг он осознал: главный враг — не система, не «мухи», и даже не внутренний хейтер. Главный враг — уверенность в том, что только яркое, громкое и страшное имеет право на существование.

Он снова закрыл глаза.

«Пусть будет утро, — повторил он. — Пусть будет девочка. Пусть будет хлеб. И пусть будет тишина, потому что в ней тоже есть своя история».

Пятно на экране начало бледнеть. Рассвет вернулся. Лучи снова коснулись крыш. Девочка улыбнулась и пошла дальше. И когда таймер прозвенел, зал на секунду замер, а потом взорвался аплодисментами — не за спецэффекты, а за то, что кто-то смог удержать простую, чистую мысль в мире, где всё стремилось её разрушить. Экзамен был пройден.

Глава вторая. Зеркала

Осу звали Марго. Она не снимала серо-зелёного костюма даже после смены, потому что знала: граница между рабочим и личным давно стёрлась — она и есть эта граница.

— Ты мог проиграть, — сказала она Кириллу после испытания. Они стояли в коридоре, и свет там был такой, будто его приглушили специально, чтобы люди не боялись говорить правду. — Твоё пятно почти съело рассвет. Ещё три секунды — и судьи бы увидели только шум.

— Я знаю. Внутренний дозвон сработал на полную.

Марго усмехнулась коротко, без веселья.

— Зови его как хочешь. Но если хочешь услышать о нём правду — спроси мою напарницу.

Она чуть наклонила голову, и рядом с ней проступил воздух, как проступает рисунок под водой: тонкая фигура с полосатыми крыльями света. 3D-Пчела, голограмма в свободном полете. Не робот и не программа в привычном смысле — скорее присутствие, которое выбрало себе форму. Кирилл почувствовал лёгкий гул, как от далёкого роя, живущего где-то за пределами слышимости.

— Здравствуй, Кирилл, — пчела сказала без звука, но он услышал в наушнике. — Меня зовут Жужка. Марго зовёт меня так с первого дня. Можешь звать, как тебе легче.

— Ты... живёшь в системе? — спросил Кирилл, чувствуя, как глупо это звучит.

— Я живу рядом с ней, — ответила пчелка. — Как твой ВеХа живёт рядом с тобой. Мы с Маргошей — как вы с ним. Только мы уже договорились между собой, а вы всё ещё спорите.

Кирилл помолчал. В этом была обидная точность.

— Каждая оса, — мягко сказала Марго, — это просто человек, который однажды перестал воевать со своим напарником и начал с ним разговаривать. То есть не остановился, не победил, а просто перестал воевать. Осы не рождаются готовыми специалистами — они дорастают.

— А если не дорастаешь?

— Тогда ты остаёшься человеком. Это тоже вариант. Мы не набираем, Кирилл, мы сопровождаем.

«Мухи» стучатся

Той же ночью, когда Кирилл уже засыпал, у него в голове раздался звон. Не телефонный, а внутренний. Знакомый до дрожи голос, острый и писклявый, из детства:

«Кирилл, а ты посуду мыть будешь? Кирилл, я твоему отцу жаловаться не буду, я просто так скажу, чтобы он знал...»

Мачеха. Точнее — образ мачехи, выпуклый, с той самой кривой бровью, который всплывал в памяти, стоит чуть расслабиться. Но теперь это было не воспоминание. Это был спам. Упорный, тикающий, как неотвеченный звонок, который теперь приходил не на телефон, а прямо в затылок, в сферу воспоминаний.

Кто-то дозванивался к нему через его же подсознание.

Он узнал эту технику из новостей ОС МЭБ: обычное дело в виде внутреннего дозвона. «Мухи» научились закреплять чужой образ в соседних нейроконтур-картах и раскачивать его — думают о тебе изо всех сил, вот тебе и кажется, что это твоя мысль. Самое коварное — образ был настоящим. Но реальная мачеха, наверное, сейчас пила чай на кухне и думать о нём не думала вообще. Думали другие. Кто-то собрал её образ из соцсетей и швырял его в Кирилла, как камень в окно.

«Что тебе нужно?» — мысленно спросил он.

Образ на секунду сузился в щель — и из щели выглянуло что-то весёлое, мальчишеское, чужое.

«А что, правда мешает? Слушай, а ведь ты сам сейчас с нами разговариваешь. Муха и человек. Уже диалог, оса дорогая» — и щель закрылась.

Кирилл сел на кровати. Сердце стучало. Он ещё не был осой, но дозвон зафиксировал — значит, у него в голове была «открытая дверь», которую он сам пока не знал как закрывать.

Утром первым делом он пошел к Марго.

— Дозвон мачехи, — сквозь зубы выговорил он. — Они где-то взяли её образ и...

— Образ да, лицо нет, — Марго слушала очень внимательно, сложив руки. — Это их главный обман и взлом. Не в систему взлом — а в память. Они понимают, что систему взломать нельзя, её пишут лучше, чем ломают. А вот память человека — самое уязвимое место во всём мире. Там нет ни пароля, ни защиты, потому что человек сам туда пустит любого, кто ему дорог. Или кто дорог был когда-то.

Жужка вспыхнула рядом — скорее деловито, чем тревожно.

— Мы можем поставить фильтр, — прогудела она. — Но фильтр не заменит решения. Решение — твоё.

— Какое?

— Ты решаешь, кто имеет право «звонить в тебя» без предупреждения, — сказала Марго. — Осы называют это переписью голосов. Сядь и запиши: кому я позволил бы позвонить мне даже в три ночи — не спросясь. Кому — только по предварительному договору. А кому — вообще ни при каких условиях. Мачеха в какой список?

Кирилл усмехнулся сквозь усталость.

— Ни при каких. Но... у неё же не было выбора. Она не злая, она просто...

— Да, она просто многое повидала, — закончила за него Марго. — Видала много дрянного и стала звать это «жизнью». Но это не делает её виноватой в дозвоне. Дозвон делают не мачехи. Дозвон делают те, кто пользуются мачехой как рупором. Но решать, кого слушать, — можешь только ты.

Маска

В ту же неделю Кирилл заметил и другое — кое-что пострашнее дозвона.

Его ВеХа (внутренний хейтер) стал носить чужое лицо.

Сначала это были мелочи: в снах Кирилла появлялась Аня — та самая девушка из офисного отдела, на которую он смотрел ровно столько, чтобы не заметить, что засматривается. И в снах она смотрела в ответ так, как он никогда не видел в жизни. Но наяву Аня вдруг начинала избегать его — отводить глаза на встречах, отвечать коротко.

Потом Кирилл понял.

ВеХа не просто болтал у него в голове. Он выстраивал сцены — и где-то в глубине они просачивались наружу, как запах сквозь неплотно закрытую дверь. Аня чувствовала чужие мечтания о себе так, как чувствуешь взгляд в спину. ВеХа примерил «маску мухи»: решил, что раз внутренний мир открыт всем — пусть будет открыт и для его фантазий, и в чужом направлении.

Кирилл поймал его на тёмной площадке собственного воображения.

— Стой. Что ты делаешь?

«То же, что ты» — голос был его собственным, только без сомнений. — «Я выстраиваю сценарий. Ты хотел, чтобы она улыбнулась тебе. Я всего лишь репетирую».

— Репетируй у себя в комнате! А ты приоткрыл дверь и репетируешь уже и в её доме. Это уже не мечта, это вторжение!

«Мы же мухи» — голос растянулся в ухмылке. — «Ты сам слышал сегодня: человек по природе муха».

— Человек по природе тот, кого выбирает. И я выбираю закрыть эту дверь!

И Кирилл закрыл её — не силой, а простотой: он позвал образ Ани из своих фантазий и разглядел его честно. Не богиню, не идеал, а живого человека с её собственной усталостью и своим правом не отвечать взаимностью. Мечта, которую не разглядывают честно, всегда стремится сбежать наружу и начать жить отдельно от хозяина. Но едва стоит разглядеть без домыслов и фантазий — и она успокаивается.

Аня на следующий день впервые за неделю посмотрела ему в глаза. Спокойно. Как на человека, из головы которого перестали капать переполненные фантазии.

О пользе страхов

Вечером Марго нашла его у тренировочного полигона — там в пустоте медленно вращались учебные сюжеты для юных режиссёров.

— Спроси меня, — сказала она вместо приветствия, — почему у нас в ОС МЭБ работает больше людей, которые когда-то чуть не сломались, чем людей с идеально ровной судьбой.

— И почему же?

— Потому что ровная голова не знает, где у человека болит. ВеХа вырос не для того, чтобы тебя ломать. Он вырос, как дозорный. В детстве, когда ты лез пальцами в розетку, он орал: «Не смей!» Он не умел отличать розетку от теней, и потому орал на всё. Это спасало тебя — и одновременно делало невыносимым.

Кирилл вспомнил, как ВеХа в соревновании кричал: «Это банально, ты проиграешь». Впервые он услышал в этом не издёвку, а заикающегося дозорного, который до сих пор орал на розетки.

— Значит, его не нужно насильно убирать?

— Его нужно перевоспитать. Чтоб умел отличать розетку от тени. Сомнение, которое говорит «проверь», — это ремесло. А вот сомнение, которое говорит «ты ничтожество», — это ослышка. Первое делает режиссёра точным. Второе делает его немым. Мы учим пч... — Марго поправила и улыбнулась, — мы учим людей слышать своих дозорных, не отдавая им ключи от дома.

Жужка тихо жужжала рядом, и Кирилл вдруг понял, что по-настоящему завидует этой паре. Они не идеальны и не бесконфликтны, они просто научились разговаривать. И в этом разговоре — весь смысл его мира: не победить того, кто в тебе, а сесть с ним за один стол.

А ещё, подумал он, глядя на полосатые крылья пчелки, — где-то в конце этого пути ждут те, кто зовётся творцами. Те, кто не просто режиссирует — а созидают одной мыслью, в соавторстве с тем, чьё имя Любовь с большой буквы, потому что доказывать это всегда лучше делом. Марго говорила, что на этом пути много препятствий и не все к ним готовы. Кирилл пока не знал, готов ли он. Но с некоторых пор он впервые за долгое время знал, в какую сторону идти.

Глава третья. Финал

Соревнование называлось «Длинный вдох». Двенадцать финалистов, двенадцать коконов, четыре часа непрерывного удержания сюжета. Правило одно: мысль не должна рваться. Судьи мерили не красоту — мерили целостность.

Кирилл прошёл квалификацию впритык. В отборе он увидел на своих волнах чужую помеху — тонкий писклявый сигнал, вползающий в его рассвет. Мачехин голос. Опять дозвон. Кто-то из «мух» бил по нему прямо на сцене, зная, что во время удержания закрыть дверь труднее всего: любое резкое движение мысли — и разрыв сюжета. А разрыв из-за отвлечения означает банальный провал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.